Общая газета, – 1998. – 3–9 сент. – с. 8.

Алексей ГЕРМАН

Слом и слой

МЫ ЖИВЕМ на сломе эпох, в слоях времени, собственной жизни. Люди, которые купили нашу старую квартиру на Марсовом поле, меняя обои, слой за слоем отдирали газеты. Они сначала перешли в брежневское время, потом в хрущевское, коснулись Сталина. Процессы тридцатых годов, врачи-вредители, государственный антисемитизм...

Кино без национальных признаков, Россия без копания в себе – по мне, противоестественны. Но это вовсе не значит, что тема «мы, русские, всех побивати!», сегодня вновь ставшая для многих желательной и интересной, под лозунгом поисков национальной идеи должна двигать наше кино в сторону расизма.

Очень модна сегодня (особенно после того, как выбрали Михалкова) мысль о том, что пора нам научиться делать национальное кино, выражающее «русскую идею». И вот я читаю в интервью молодого, но уже знаменитого режиссера Алексея Балабанова слова: «...Я отражаю состояние нашего народа. В провинции люди евреев любят? Точно говорю, что не любят. Это русским людям понятно и близко. И то, что «хачиков» не любят, – тоже совершенно очевидно». Это говорит человек, снявший, на мой взгляд, одну из самых безнравственных картин последних лет. Называется она «Брат». В ней есть все: цитаты из мирового кино, римейк американского жанра, атмосфера. Но герой – нелюдь. Так кто больше «отражает состояние нашего народа»: еврей Норштейн, который корпит над своей гениальной «Шинелью», или Балабанов, который предлагает России подобного национального героя?

Неужели, если у нас будет национальное кино, то это будет фашистское кино?

Известны слова Черчилля: у нас нет антисемитизма, потому что англичане не считают евреев умнее себя. Мы – не англичане.

Впрочем, в Воронеже, где жил в ссылке Мандельштам, сохранился его дом. В подъезде была масса надписей: «Евреи – в Тель-Авив! Сионисты, вон! Чемодан – вокзал – Израиль» и т.д . А сверху – стихи Мандельштама. На всех стенах – от пола до потолка. Одни рисовали свастику и звезды – а другие сверху писали стихи. Одни чертили лозунги и ругань – а другие сверху писали стихи. И, в конце концов, лозунги исчезли, остались стихи. Стихи победили.

Очень модно сегодня также говорить о деньгах и о реформах.

Первая денежная реформа на моей памяти связана с человеком по имени Пушкарев, он был почтмейстером у нас на даче, в Комарове. Он меня побил когда-то, несправедливо – я побил его сыновей, а он меня. Но я запомнил его не поэтому. А потому, что видел, как его арестовали. Это было поздно вечером, на почте ярко горел свет, его увезли на машине. Была денежная реформа, он пожалел какого-то человека, который валялся у него в ногах и рыдал, – и положил задним числом на его счет деньги. Получил десять лет, и дети, мной поколоченные, потом тоже исчезли.

И с кино происходит нечто подобное. Даже Кириенко вроде бы и был новым человеком в этой аппаратной среде, но повторил все привычки людей своей касты. Как только он сел в кресло премьера, к нему пришел на прием один наш очень известный и достойный режиссер. И он ему дал деньги на производство фильма – из бюджета Госкино. Совсем недавно, уже к Черномырдину, пришла артистка, может быть, лучшая наша артистка – и тоже получила деньги. И тоже из бюджета Госкино. Скоро образовалась очередь, как говорил Райкин, «с заднего кирильца» – с черного хода.

А нам в это время говорили: кино возрождается. Мы поверили. На «Ленфильме» был момент, когда вдруг все зашевелилось, запустилось сразу несколько картин, студия ожила, и впрямь возникла надежда на возрождение. Сейчас тишина. Пустота. Снова все обрело мистический характер.

Как ни странно, у меня складывается ощущение, что уставшее Госкино это устраивает. Если б не это, надо было бы распределять, ссориться, отстаивать систему приоритетов, а тут уже все без них распределили!

А между тем вроде совсем недавно твердили: первыми на студиях должны запускаться молодые режиссеры, которые от безработицы просто пропадают. Решили на уровне Госкино! Но все копейки, которые были обещаны на дебютные картины, поглотила правительственная «милость» к вышеозначенным личностям.

Потому что аппаратчик – молодой, старый, худой, жирный, любой! – по-прежнему вместе с креслом получает право распределять все: в том числе моего товарища жизнь, мою жизнь...

В итоге, дебютанты, к примеру, те, кого я пять лет готовил, вряд ли могут на что-то рассчитывать, а те, кто успели запуститься, встали. Студия обезлюдела. Снимается одна картина. Сокуров на деньги, им добытые самостоятельно, делает фильм из немецкой жизни сороковых годов. Наверняка это будет интересно, Сокуров у нас талантливый.

Я с уважением к нему отношусь – и к творчеству, и к его упорным попыткам говорить на своем языке. Но как забавно в бывший День кино, 27 августа (большой, однако, был советский праздник!), видеть, как по студии ходят только эсэсовцы, Гитлер и Геббельс.

Так что дела на студии обстоят скверно. Возникает ощущение, что «Ленфильм» хотят ликвидировать. Может, просто нужно продать это пятно застройки, лакомый кусок в самом центре Петербурга? Лужков в Москве находит деньги для кино, Россель в Екатеринбурге находит. А в Питере делается все, чтобы «Ленфильм» помер. Смерть студии будет так же ужасна для города, как если бы убрали Медного всадника...